

УДК 94 (47)

DOI: 10.15393/j14.art.2022.179

EDN: CZJWCE

Статья

Овчинникова Елизавета Владимировна

Петрозаводский государственный университет
Институт истории, политических и социальных наук
Студент-бакалавр 3 года обучения

Научный руководитель:
Сулова Евгения Дмитриевна

Петрозаводский государственный университет
Специалист Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ;
Институт истории, политических и социальных наук
Доцент кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений
Кандидат исторических наук

Православные приходы Кемского уезда во второй половине XVIII — начале XX века в оценках отечественной историографии*

Аннотация. Статья посвящена анализу мнений, выдвинутых в историографии, о состоянии православных приходов в Кемском уезде Архангельской губернии во второй половине XVIII — начале XX века. В целом политика Русской Православной Церкви по утверждению православия в регионе ещё не была предметом специального исследования. Оценивая религиозную жизнь православных приходов, учёные исходят из специфики сложившейся в крае демографической ситуации и социально-экономических особенностей его развития. Рассмотрев мнения исследователей, автор констатирует, что в историографии утвердилось представление о медленном развитии церковно-приходской системы в полиэтническом регионе и отсутствии должного внимания священноначалия к насущным проблемам по возведению храмов и открытию новых приходов, равно как по обеспечению достойного уровня жизни духовенства и поиску подготовленных к служению в нём клириков вплоть до середины — второй половины XIX столетия. По мнению историков, недостаточное внимание церковных властей к проблемам отдалённой периферии привело к распространению среди карелов, проживавших в западных волостях уезда, равнодушного отношения к официальной церкви, процветанию старообрядчества и длительному сохранению языческих пережитков.

Ключевые слова: Карелия; Кемский уезд; церковный приход; Русская Православная Церковь; церковно-приходская система.

* Исследование проведено в рамках реализации Программы поддержки НИОКР студентов и аспирантов ПетрГУ, финансируемой Правительством Республики Карелия.

Введение

История православных приходов Кемского уезда Архангельской губернии в XVIII — XIX столетиях является предметом пристального внимания исследователей. Ещё в конце XIX — начале XX веков священники, несшие служение в местных приходах, опубликовали в «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» небольшие очерки, содержащие оценку религиозной ситуации в своих приходах, а также сведения из истории возведения местных церквей и формирования приходской общины [11]. В это же время увидели свет труд А. Я. Ефименко, посвященный описанию быта и традиций северных карелов, и очерк К. П. Прокопьева, в котором автор осветил вопрос о переводе Библии на языки инородцев в первой половине XIX века [6; 15]. Разработка последней темы была продолжена во второй половине XX столетия Г. Н. Макаровым, который проанализировал рукопись 1820-х гг., представляющую собой перевод религиозной книги на карельский язык [12].

На рубеже XX—XXI веков исследователи углубились в изучение истории отдельных православных приходов, этапов формирования в регионе церковно-приходской системы, специфики организации приходской жизни и отношения карелов к православной вере. Осмысливая в 1997 г. опыт строительства города Костомукши и Костомукшского горно-обогатительного комбината во второй половине XX века, О. П. Илюха, касаясь древней истории места, в самых общих чертах оценила состояние религиозной жизни в карельских волостях Кемского уезда во второй половине XIX века [9].

Одной из первых И. А. Чернякова, исследуя социально-демографические характеристики самого древнего прихода Беломорской Карелии — Панозерского — в XVIII—XIX столетиях, охарактеризовала специфику его религиозной жизни и проследила генеалогическое древо местного священника Степана Ильина, упоминаемого в документах последней четверти XVII века [25]. В статье, опубликованной по результатам второй международной научной конференции «Православие в Карелии», состоявшейся в 2002 г., И. А. Чернякова впервые поставила вопрос об особенностях политики Русской Православной Церкви и государства в отношении карельского языка. Обратившись к сохранившимся в Национальном архиве Республики Карелия делопроизводственным документам, автор определила отношение первого архиепископа Олонецкого и Петрозаводского Игнатия (Семенова), занимавшего кафедру в 1837—1842 гг., к карельскому языку и вклад владыки в дело сохранения языка с целью последующей организации миссионерской работы среди карелов-староверов [24].

Значимый вклад в разработку интересующей проблемы внёс М. В. Пулькин. В частности, исследователь выявил этапы трансформации церковно-приходской системы в Кемском уезде, определил специфику взаимоотношений священно-церковнослужителей с мирянами и этно-конфессиональные особенности северных карельских приходов во второй половине XVIII — начале XX века [16—21].

Привлекая материалы официальной статистики 1830-х гг., И. Н. Ружинская исследовала особенности распространения старообрядчества среди карелов Повенецкого уезда Олонецкой губернии, имевших не только «коммерческие и конфессиональные связи со старообрядческим Поморьем», но и испытывавших влияние Топозерских скитов Кемского уезда [22: 169]. В частности, автор установила численность карелов-старообрядцев и определила, что в Повенецком уезде староверы проживали почти в каждом приходе [22: 166].

Сфокусировав внимание на исследовании «панфинской пропаганды» в годы первой русской революции, М. А. Витухновская оценила состояние «корельских» приходов Архангельской и Олонецкой губерний к началу XX века [5]. М. А. Смирнова рассмотрела религиозную ситу-

ацию в православных приходах Кемского уезда во второй половине XIX — начале XX веков с опорой на материалы местной периодики [23].

Привлекая сведения «Архангельских епархиальных ведомостей», документы из фонда Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия и законодательные акты, С. Э. Яловицына дала оценку роли духовенства в жизни карелов Вокнаволоцкого и Ухтинского приходов Архангельской епархии в XIX — начале XX века [28]. Ю. Г. Шикалов обратился к проблеме состояния религиозной жизни жителей Беломорской Карелии во второй половине XIX — начале XX века и раскрыл особенности религиозного мировоззрения карелов к началу XIX века [26; 27].

Ю. Н. Кожевникова обобщила историю становления Православной церкви в Беломорской Карелии с конца XV до начала XX века и реконструировала генеалогию и судьбы местных клириков Петуховых [10].

Дальнейшее всестороннее изучение истории Православия в северном арктическом регионе требует осмысления историографии, выявления достижений и дискуссионных проблем. Предпринятое исследование ставит целью обобщить накопленный в историографии опыт и оценить, какое представление сложилось к настоящему времени о религиозной ситуации на отдалённой карельской окраине Российской империи во второй половине XVIII — начале XX века.

Территория исследования и хронологические рамки

В фокусе исследования — церковные приходы Кемского уезда Архангельской губернии (территория Кольского уезда, с 1859 по 1883 гг. входившая в Кемский уезд, не рассматривается). Кемский уезд был образован в составе Олонецкого наместничества в 1785 г. и включил в себя волости Карельского Поморья и Панозеро с деревнями. Как отмечает И. А. Чернякова, в конце XVIII — начале XIX века «эта часть Карелии, административно подчинённая кемским градоначальникам, официально закрепляется в составе Архангельской губернии, а Панозерская волость постепенно становится органичной частью не Олонецкой, а Архангельской, ныне чаще именуемой Беломорской, Карелии» [25: 22].

Приходы исследуемой территории с упразднением в 1787 г. Олонецкого викариатства Новгородской митрополии были переданы в ведение вновь образованной Олонецкой и Архангельской епархии. В 1796 г. с ликвидацией Олонецкого наместничества и объединённой Олонецкой и Архангельской епархии, приходы Кемского уезда перешли в состав Архангельской и Холмогорской епархии [14: 557]. Управление приходами осуществлялось через специально созданное Кемское духовное правление, располагавшееся в г. Кемь [10: 61].

Нижней хронологической границей избран год вхождения приходов в состав объединённой Олонецкой и Архангельской епархии — 1787 г. Верхняя хронологическая граница отнесена условно к 1905 г. — времени Первой Русской революции.

Оценка религиозной жизни в призме своеобразия края

Оценивая религиозную жизнь церковных приходов исследуемого региона, ученые связывают её особенности с целым рядом факторов. Остановимся на аргументах, которые приводят авторы в каждом конкретном случае.

Бедность и малочисленность прихожан

М. В. Пулькин утверждает, что одной из причин медленного становления приходской системы стало явное нежелание карелов обзаводиться храмами, которое было обусловлено относительной бедностью жителей и их немногочисленностью [20]. Исследователь приходит

к заключению, что в регионе не сформировалась традиция возведения храмов за счёт «мирских средств» и частных пожертвований местных жителей [20].

Ю. Г. Шикалов подчёркивает, что вновь возведённые храмы, как и дворы причта, спустя какое-то время ветшали [27: 22]. Причину складывавшейся ситуации автор видит в том, что спонсоры вскоре «забывали своё детище» и не находили средств на ремонт и поддержание благолепия в храме [27: 22]. По мнению автора, «убогость церквей» привела к падению «авторитета православия» [27: 22].

Опираясь на указ Архангельской духовной консистории 1789 г., С. Э. Яловицына на примере Вокнаволоцкого прихода поясняет причины нежелания священников служить здесь: скудость источников материального благосостояния причта, бедность и малочисленность крестьян, которые были либо «взяты в стрелки», либо «сами претерпевали в пище недостаток» [28: 32].

В то же время, некоторые авторы убеждены в том, что миряне не оставались равнодушными к возведению молитвенных зданий. Так, О. П. Илюха утверждает, что возведение храма Святителя Чудотворца Николая в 1875 г. в Костомукше осуществлялось за счёт средств «доброхотных дателей»: петербургского купца Ф. П. Богданова и костомукшского крестьянина Д. Н. Пекшуева [9: 28].

Выявленные И. А. Черняковой сведения о приходской жизни в Панозере свидетельствуют о том, что панозерцы отнюдь не были равнодушны в церковных делах. Исследовательница подчеркивает, что большинство богослужебных книг, хранившихся в храме Ильи Пророка во второй половине XIX столетия, были приобретены «на средства прихожан по инициативе местных священнослужителей», в то время как община поддерживала благолепие в храме и следила за своевременным ремонтом церкви [25: 35].

В свою очередь, Ю. Н. Кожевникова полагает, что хотя в приходах «плохо развивались» традиции возведения храмов «за счёт мирских средств и частных пожертвований» крестьян, такие пожертвования делали местные уроженцы — крупные петербургские купцы [10: 64]. Исследовательница приводит в пример возведение храма Рождества Богородицы в Кондошском приходе в 1888 г. на деньги «местного уроженца» — петербургского купца А. Савинова [10: 64]. Кроме этого, Ю. Н. Кожевникова отмечает, что в небольших волостях миряне по собственной инициативе на те деньги, которые им удавалось собрать, возводили часовни, «вокруг которых формировались православные общины» [10: 55]. Нерешённость бытовых вопросов — достойного материального обеспечения духовенства, отсутствие помощи в обустройстве клириков на новом месте, по мнению автора, приводили к нехватке священно-церковнослужителей, вследствие чего прихожане вынуждены были самостоятельно проводить службы [10: 55]. Исследовательница подчеркивает, что церковнослужители, отправлявшиеся на служение в здешний край, «обрекали себя и свои семьи на бедное, если не нищенское, существование» [10: 67]. Среди наиболее остро стоявших проблем Ю. Н. Кожевникова особо отмечает «мизерные» кошельковые сборы, бедность прихожан, плохое качество пашни и иных угодий, отводимых причтам.

Огромные расстояния и неразвитость транспортной инфраструктуры

По убеждению исследователей, специфика религиозной жизни была предопределена отдалённостью и «оторванностью» региона от других частей Олонецкой и Архангельской губерний. Как отмечает М. В. Пулькин, приходы охватывали огромные по размеру территории и потому церковный причт был вынужден в буквальном смысле «путешествовать по приходу», совершая «иногда со значительным опозданием» религиозные обряды [20].

С этим мнением соглашается Ю. Н. Кожевникова. Пастырская деятельность, с её точки зрения, была осложнена тем, что деревни находились на значительном расстоянии от главной церкви [10: 68]. Ю. Г. Шикалов также подчеркивает, что в конце XIX — начале XX века священнослужители Беломорской Карелии были вынуждены преодолевать значительные расстояния, чтобы объехать своих «нерадивых прихожан» [27: 26]. Обеспечение причта транспортными средствами являлось непосредственной обязанностью крестьянской общины, которая, по мнению автора, относилась к ней как к «дополнительной обузе» [27: 26]. Фокусируя внимание на оценке роли духовенства в жизни Вокнаволоцкого и Ухтинского приходов во второй половине XIX — начале XX века, С. Э. Яловицына подчеркивает, что оба прихода «охватывали громадные расстояния» (200 км²) [28: 31].

Приведённый исследователями довод находит прямое подтверждение в опубликованном на страницах «Архангельских епархиальных ведомостей» свидетельстве причта Вокнаволоцкого прихода, согласно которому причту приходилось не менее шести раз в год совершать поездки по деревням для окормления всей паствы, «сделав приблизительно 310 верст по зимнему пути» [3: 136].

***Кадров священно-церковнослужителей:
незнание карельского языка и образ жизни***

Исследователи уверены, что трудности с евангелизацией населения были обусловлены спецификой этнического состава приходов. Согласно данным А. Я. Ефименко, в 1865 г. в пределах Архангельской губернии, главным образом, в Кемском уезде, числилось 16700 душ обоего пола карелов. Последние проживали в одиннадцати волостях: Тунгудской, Вокнаволоцкой, Кестенской, Ухтинской, Маслозерской, Юшкозерской, Олангской, Костомужской, Погосской, Вычатайбольской, Тихтозерской, деревнях Керетской и Поньгамской волостей и деревне Вялозеро [6: 90]. По данным переписи 1897 г. в Кемском уезде проживало 35392 тыс. душ обоего пола. Из них, согласно подсчетам И. П. Покровской, карелы составляли больше половины — 54,5 % [13: 42].

М. В. Пулькин указывает, что большинство священнослужителей вовсе не знали карельского языка. Проблема, связанная с незнанием карельского языка, обострилась после того, как власти осознали необходимость распространения православных традиций в быту карелов и борьбы с ростом влияния старообрядчества в регионе [20]. Исследователь полагает, что проблему можно было решить вмешательством центральной власти в дела местных приходов, так как «вопрос распространения православия среди неславянских народов приобретал существенное значение» [21: 274].

М. А. Витухновская заключает, что к началу XX века проблема нехватки священно-церковнослужителей, говоривших на карельском языке, «вставала перед причтами в полный рост, и сами священники не собирались её скрывать» [5]. Между тем, как подчеркивает исследовательница, некоторые из приезжих священников, «живя какое-то время бок о бок с карелами», с течением времени выучивали их язык. М. А. Витухновская указывает, что «отсутствие языка общения между священниками и паствой» и «склонность прихожан к расколу» привели к «плохому знанию карелами даже азов православия» [5].

Соглашаясь с мнением М. В. Пулькина, С. Э. Яловицына дополнительно подчеркивает, что вообще отсутствие хорошо подготовленных кадров священно-церковнослужителей было «всегдашней» проблемой приграничья [28: 31]. Исследовательница убеждена, что присланные в регион священнослужители «становились объектами для разбирательств епархиального начальства и недовольства местных жителей», поскольку они не являлись «примером высокой морали и нравственности», а также «не обладали авторитетом у местных жителей» [28: 32].

С. Э. Яловицына подчеркивает, что церковные власти активно принимали меры против «пьянства и непристойного поведения» священнослужителей [28: 32].

Ю. Г. Шикалов утверждает, что в приходах Беломорской Карелии к концу XIX века не сложились династии местных священнослужителей, поскольку «возраст большинства этих приходов не превышал нескольких десятков лет» [27: 24]. Как полагает исследователь, священники, которые назначались в приходы высшим священноначалием, «были далеки от идеала духовного пастыря» и потому не могли поддерживать авторитет Православия среди местных крестьян [27: 23]. Ю. Г. Шикалов заключает, что в 1896 г. половина священников Беломорской Карелии были «недоучками», исключёнными «из числа уволенных из духовных учебных заведений» [27: 23]. По мнению исследователя, «замученные безденежьем, часто спившиеся священники» не могли поспособствовать «укреплению православной веры в карельских душах» [26].

М. А. Витухновская, соглашаясь с мнением Ю. Г. Шикалова, указывает, что священники «корельских» приходов не только «не всегда являли собою образцы нравственности и благочестия», но нередко даже «не могли пользоваться уважением своей паствы» [5]. Исследовательница утверждает, что служение в «корельских» приходах зачастую рассматривалось епархиальным начальством в качестве формы «дисциплинарного наказания» [5].

Пример служения династии Петуховых в Кемском уезде, по мнению Ю. Н. Кожевниковой, опровергает утверждения С. Э. Яловицыной, М. А. Витухновской и Ю. Г. Шикалова. Исследовательница утверждает, что в приходы посылались священники, которые «добросовестно выполняли свой пастырский долг», несмотря на непростые условия повседневной жизни [9: 11]. Ю. Н. Кожевникова успешно восстановила генеалогическое древо священников Петуховых, служение которых в карельских приходах Беломорской Карелии началось в 1890-е гг. и завершилось в 1930-е гг. Автор подчеркнула, что, несмотря на все трудности, Петуховы «до конца дней остались верны “корельским” приходам» [9: 89].

Распространение старообрядчества и сектантства

Опираясь на сведения «Справки о карелах-раскольниках» 1836 г., И. Н. Ружинская указывает, что ведущую роль в распространении староверия среди прихожан Повенецкого уезда, граничившего с Кемским, играли Топозерские скиты Кемского уезда, где староверы «употребляли язык карельский, со строгостью, как свой особый язык раскола» [22]. В. А. Зайцев устанавливает, что к концу XIX века старообрядчество «пустило глубокие корни» в Кемском уезде, центром его распространения был г. Кемь [7]. Рассматривая причины широкого распространения старообрядчества в регионе к началу XIX века, М. В. Пулькин уверен, что таковыми стали нехватка священников и языковой барьер, то есть незнание карельского языка, также как и активная деятельность староверов, в неурожайные годы обеспечивавших местное население хлебом [20].

В то же время, в Кемском уезде оставались приходы, не затронутые влиянием раскола. Так, И. А. Чернякова установила, что Панозерский приход «отличался строгим следованием раз и навсегда заведённым порядкам» [25: 37]. По мнению автора, это подтверждается бережным хранением в течении столетий местных церковных реликвий и строгим следованием церковным обрядам [25: 38].

М. В. Пулькин обратил внимание на то, что с 1876 г. в Ухтинском приходе свою деятельность начало новое религиозное движение — лестадианство, представители которого получили известность в Архангельской Карелии под названием «хехулиты» или «хиххулиты» [16]. Эта секта, именовавшаяся «ушковайзет», отмечает исследователь, представляла собой «симбиоз православия и протестантских течений» с заметным присутствием в ней лютеранских тра-

дий [28: 33]. М. В. Пулькин указывает, что основой идеологии сектантов «было отрицательное отношение к таинствам православной церкви», а её первыми последователями стали местные крестьяне, занимавшиеся торговлей за границей [16].

Ю. Н. Кожевникова утверждает, что «трезвый и праведный образ жизни, неподдельная религиозность хиххулитов, их простые и доступные обряды на родном языке» способствовали распространению деятельности секты среди карелов, «что тревожило светские и духовные власти» [10: 78].

Ю. Г. Шикалов высказывает мнение, что Беломорье было «настоящим раем для староверов», поскольку Православная церковь в конце XIX века «была в довольно незавидном положении в Беломорской Карелии» [26]. С. Э. Яловицына соглашается с мнением Ю. Г. Шикалова, подчеркивая, что быстрый рост сторонников сектантства произошёл из-за «слабых позиций православия» [28: 33]. Исследовательница утверждает, что сектантская деятельность «вызывала беспокойство православного духовенства», которое «осознавало и причины возникновения подобного рода движений», в частности, обращая внимание на языковую проблему [28: 33].

Монастырская реформа 1764 г.

Исследователи также обращают внимание на то негативное влияние, которое оказала реформа секуляризации монастырских имуществ 1764 г. на состояние духовной жизни северной карельской периферии. Как подчеркнул М. В. Пулькин, значимую роль в развитии церковно-приходской системы играл Соловецкий монастырь, традиционно выступавший центром духовного просвещения и инициатором возведения новых мирских церквей в своих вотчинах [18: 26]. Как сообщал приходской священник Анатолий Теремичский, накануне секуляризации — в 1759 г. — на средства монастыря в Виремском приходе была построена новая церковь [4: 129]. Существовали подворья, остававшиеся местами пребывания архимандритов.

После того как в 1764 г. у обители были отобраны все земли и переданы в ведение Коллегии Экономии, монастырь лишился значительной части доходов, что, по мнению М. В. Пулькина, лишило его какой-либо возможности возводить церкви и привело к замедлению дальнейшего развития церковно-приходской системы [18: 26]. Автор подчеркнул, что во второй половине XVIII века на территории Кемского уезда был образован всего один приход — Вокнаволоцкий.

Политика Русской Православной Церкви

По мнению исследователей, Русская Православная Церковь в 1830—1840-е гг. осознала факт ослабления своих позиций на отдаленной северной периферии и наличия множества проблем, требовавших принятия неотложных мер.

Перевод богослужебных книг на карельский язык

Стремясь распространить и усилить влияние Церкви в периферийных регионах, власти с начала XIX века, как отмечает Г. Н. Макаров, предпринимали меры по переводу религиозных книг на языки местных народностей [11: 79]. В 1802 г. распоряжением Святейшего Синода, констатирует М. В. Пулькин, на «олонецкий и карельский язык» были переведены Катехизис и Символ веры [16]. По мнению К. П. Прокопьева, выбор книг для перевода «был сделан неудачно» [14: 13]: в попытке «тронуть инородца за живое», следовало выбрать книги повествовательного характера, например — Евангелие, за перевод которого лишь в 1820-х гг. взялись местные церковнослужители. М. В. Пулькин отмечает, что перевод Евангелия на карельский язык стал существенным фактором, который привёл к «росту национального самосознания» [15: 123].

Опираясь на архивную переписку чиновников разных ведомств Олонецкой губернии в первой половине XIX века, И. А. Чернякова рассматривает политику властей в отношении

карельского языка. Исследовательница подчеркивает, что «вопрос о карельском языке зазвучал на правительственном уровне» и что в 1836 г. правительствующий Синод направил архиепископу Олонецкому и Петрозаводскому Игнатию специальный указ, в котором предписывалось «изучить ситуацию в епархии» с целью выявления языковой проблемы в отдельных приходах [24].

По мнению С. Э. Яловицыной, проблема перевода богослужебных текстов на карельский язык к концу XIX века не теряла актуальности и «настоятельно требовала решения» [28: 33]. С этой целью в 1894 г. в епархии начала работу переводческая комиссия, деятельность которой была направлена на подготовку переводов богослужебных текстов на карельский язык [28: 33].

М. В. Пулькин отмечает, что значимость карельского языка и необходимость «заметным образом повысить образовательный уровень духовенства», также как стремление Церкви «максимально адаптировать приходское духовенство в разных частях страны к запросам и потребностям прихожан» побудило церковные власти начать преподавание карельского языка в Олонецкой духовной семинарии [17]. Исследователь полагает, что причиной прекращения преподавания карельского языка в 1870-е гг. стало «изменение национальной политики в России», которое произошло под влиянием восстания в Польше в 1863 г. [17]. Причинами неудач в проведении языковой политики, по мнению М. В. Пулькина, стало отношение властей к карельскому языку «как к временному средству в образовательном процессе» и «практические потребности повседневной жизни», которые вынуждали приучать местное население к использованию русского языка [17].

Открытие церковно-приходских школ

М. В. Пулькин утверждает, что церковные власти видели основную причину распространения старообрядчества в «нехватке приходских школ», в связи с чем уже в 1859 г. при Юшкозерской церкви были открыта первая церковно-приходская школа [20]. В 1880—90-х гг. продолжилось образование церковно-приходских школ в Тунгудском, Маслозерском, Кондокомском, Вокнаволокомском, Войницком, Ухтинском, Панозерском, Логовароцком, Олангском, Кестенгском приходах [20].

М. А. Смирнова полагает, что церковные власти, осознавая факт широкого распространения старообрядчества среди мирян, уделяли первостепенное внимание образованию детей, поскольку «сформировавшихся взрослых людей» оказывалось «труднее переубеждать» [23]. Так, в середине 1880-х гг. были дополнительно открыты церковно-приходские школы в Панозерском, Кестенгском, Керетском, Ковдском и Надвоицком приходах [23]. М. А. Смирнова приходит к выводу, что отдалённость приходов и их бедность не позволяли церковным властям «развернуть полновесную школьную сеть» [23].

М. В. Пулькин также констатирует, что «деятельность приходских школ не увенчалась успехом» вследствие сохранения языкового барьера, отдалённости селений от вновь открытых школ и недостатка «помещений, мебели, учебников» [20].

Меры по дроблению старинных приходов

Как установлено в историографии, в исследуемом регионе еще в XVI—XVII веках сложилась церковно-приходская система, охватившая 12 приходов (табл. 1, № 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12), [18: 26—37]. В их основании, по мнению М. В. Пулькина, значимую роль сыграл Соловецкий монастырь. Автор отмечает, что в вотчине обители появились Кемский, Сумский и Керетский приходы (табл. 1, № 1; 2; 8). Кроме того, в вотчине Соловецкого монастыря сформировались не позднее 1563 г. Шиженский, Сороцкий и Виремский приходы (табл. 1, № 7; 5; 6).

Таблица 1.

Православные приходы Кемского уезда Архангельской губернии

№	Приход	Алтарные посвящения церквей	Дата возведения первой церкви	Дата образования прихода	На территории какой административно-территориальной единицы изначально возник, либо из какого прихода выделился
1	Кемский соборный	<ul style="list-style-type: none"> Успенский с приделами в честь препп. Зосимы и Савватия Соловецкий и св. Иоанна Предтечи (XVII в.; сгорел в 1710 г.); Успенский с приделами в честь свт. Чудотворца Николая и Зосимо-Савватиевским (1714 г.); Зосимо-Савватиевский (1879 г.; соборный на время ремонта Успенского в 80-х гг. XIX в.); Троицкая, приписная (на городском кладбище; 1696 г.); св. Иоанна Предтечи (1682 г.); свт. Чудотворца Николая (1899 г.) 	XV в.	XV в.	Кемь
2	Сумский	<ul style="list-style-type: none"> Успения Пресвятой Богородицы (1553 г.) Николая Чудотворца с приделом во имя Мученицы Параскевы (1553 г.; придел 1811 г.) 	не позднее 1563 г.	не позднее 1563 г.	Из Выгозерского прихода, вотчина Соловецкого монастыря
3	Колежемский	<ul style="list-style-type: none"> св. Климента (1871 г.) 	не позднее 1563 г.	не позднее 1563 г.	Из Выгозерского прихода, вотчина Соловецкого монастыря
4	Нюхченский	<ul style="list-style-type: none"> свт. Николая (не позднее 1563 г.); Богоявления Господня (верхняя церковь) и Живона-чальной Троицы (нижняя церковь), (1886 г.) 	не позднее 1563 г.	не позднее 1563 г.	Из Выгозерского прихода, вотчина Соловецкого монастыря
5	Сороцкий	<ul style="list-style-type: none"> Зосимо-Савватиевская (не позднее 1563 г., обветшала в XIX в., к 1852 г. перестроена, но сгорела в 1862 г.); Пресвятой Троицы (1892—1894 гг.); Смоленской икона Божией Матери (1899 г.) 	не позднее 1563 г.	не позднее 1563 г.; 1852 г.	Из Выгозерского прихода
6	Виремский	<ul style="list-style-type: none"> Ап. Петра и Павла (не позднее 1563 г.), Петропавловская церковь (1625 г.) 	не позднее 1563 г.	не позднее 1563 г.; 1893 г.*	Из Выгозерского прихода
7	Шижненский	<ul style="list-style-type: none"> свт. Николая Чудотворца (не позднее 1563 г., обветшала и перестроена к 1735 г.). 	не позднее 1563 г.	не позднее 1563 г.; 1735 г.	Из Выгозерского прихода, вотчина Соловецкого монастыря — возобновлен, вероятно, в 1735 г.
8	Керетский	<ul style="list-style-type: none"> Георгиевская (1593 г.); Николаевская (XVII в.); вмч. Георгия (верхняя церковь) и свт. Николая Чудотворца (нижняя церковь), (1773—1774 г.); свт. Николая Чудотворца (главная церковь) и вмч. Георгия (южная часть церкви) и преп. Варлаама Керетского (северная часть церкви), (1859—1867 гг.). 	1593 г.	1593 г.	Выгозерский погост, вотчина Соловецкого монастыря
9	Шуерецкий	<ul style="list-style-type: none"> св. вмчц. Параскевы (1666 г.); св. Николая Чудотворца (1753 г.); Климентовский (1787 г.) 	не позднее 1596 г.	не позднее 1596 г.	Шуерецкий погост
10	Шуезерский	<ul style="list-style-type: none"> прор. Илии (не позднее 1597 г.) 	не позднее 1597 г.	не позднее 1597 г.	Шуезерский погост
11	Панозерский (Лопский)	<ul style="list-style-type: none"> прор. Илии (не позднее 1597 г.; перестроена к 1865 г.) 	1596 г.	не позднее 1597 г.	Панозерский погост
12	Надвоицкий	<ul style="list-style-type: none"> Преп. Зосимы и Савватия (1630 г., сгорел в 1837 г.); Зосимо-Савватиевский (1852 г.) 	1630 г.	1630 г.; 1820 г.	1764 г. — вошел в состав Сумского прихода 1820 г. — выделился из Сумского прихода

* Вотчина Соловецкого монастыря, после секуляризационной реформы 1764 г. приписан к Сумскому приходу, затем с Надвоицким селением составлял самостоятельный приход, но в 1838 г. был вновь приписан к Сумскому приходу. Восстановлен в качестве самостоятельного прихода в 1893 г. [4: 130].

№	Приход	Алтарные посвящения церквей	Дата возведения первой церкви	Дата образования прихода	На территории какой административно- территориальной единицы изначально возник, либо из какого прихода выделился
13	Кандалакшский	<ul style="list-style-type: none"> Кандалакшский монастырь (1526 г.; в 1742 г. упразднен, после 1764 г. церковь Рождества Богородицы приписана к приходу) Рождества Иоанна Предтечи (1786 г.) Рождества Пресвятой Богородицы (1865 г.) Великомученика Георгия (1897 г.) 	1786 г.	1764 г.	После реформы 1764 г. обращен в приход (погосты Бабинский и Екостровский).
14	Вокнаволоцкий	<ul style="list-style-type: none"> Часовня (время постройки – неизвестно), при открытии прихода обращена в церковь прор. Илии (1767 г.); Ильинский храм (1804 г.); Нерукотворного Образа Спаса (1890 г.) 	1767 г.	1767 г.	Из Панозерского прихода
15	Калгалакшский	<ul style="list-style-type: none"> Всемилошного Спаса (1857 г.) 	1857 г.	1844 г.	Из Кемского соборного прихода
16	Поньгамский	<ul style="list-style-type: none"> Знамения Пресвятой Богородицы (1869 г., сгорела в 1885 г., восстановлена в 1892 г.); муч. Георгия и Анатолия и царицы Александры, приписная (деревня Пильдозерская 1894 г.) 	1869 г.	1844 г.	Из Кемского соборного прихода
17	Юшкозерский	<ul style="list-style-type: none"> Нерукотворный Образ Спаса (образована из часовни в 1849 г.) 	1849 г.	1845 г.	Из Панозерского и Вокнаволоцкого приходов
18	Ковдский	<ul style="list-style-type: none"> свт. Чудотворца Николая (1705 г.) 	1705 г.	1845 г.	Первоначально церковь в составе Кемского соборного прихода; затем переведен в Кандалакшский (до 1845 г.)
19	Ухтинский	<ul style="list-style-type: none"> Нерукотворного Образа Спаса (1861 г.); Ап. Петра и Павла (перестроена из церкви Нерукотворного Образа Спаса в 1889 г.); Успения Божией матери (1890-е гг.) 	1861 г.	1846 г.	Из Вокнаволоцкого и Панозерского приходов
20	Маслозерский	<ul style="list-style-type: none"> свт. Николая (1866—1872 гг.); свт. Николая (1602 г.), приписная (в бывшей мужской Троицкой Муезерской пустыни, вторая половина XVI в.) 	1866 г.	1847 г.	Вотчина Соловецкого монастыря; в Шуезерском приходе до 1847 г.
21	Кестеньгский	<ul style="list-style-type: none"> св. архидиакона и первомученика Стефана (1872 г.) 	1872 г.	1872 г.	Из Кемского соборного прихода
22	Олангский	<ul style="list-style-type: none"> Ап. Петра и Павла (1881 г.) 	1881 г.	1881 г.	Из Ковдского прихода
23	Лаговарацкий (Топозерский)	<ul style="list-style-type: none"> свт. Николая (1888 г.); Успенская церковь (дата неизвестна); св. Иоанна Предтечи (1888 г.) 	1888 г.	1889 г.	Окормлял прихожан деревень: Лаговарацкая, Кизрецкая, Балазрецкая, Большеозерская, Кобельская
24	Кондокий (Бабьегубский)	<ul style="list-style-type: none"> Рождества Пресвятой Богородицы (1888 г.); свт. Николая Чудотворца, приписная (деревня Костомукшская, 1875 г.) 	1888 г.	1893 г.	Из Вокнаволоцкого прихода
25	Войницкий	<ul style="list-style-type: none"> свт. Николая (1895 г.) 	1895 г.	1894 г.	Из Вокнаволоцкого прихода
26	Тихтозерский	<ul style="list-style-type: none"> св. Иоанна Предтечи (1891—1892 гг.) 	1891—1892 гг.	1895 г.	Из Лаговарацкого прихода
27	Подужемский	<ul style="list-style-type: none"> Преображенская (первоначально часовня, преобразована в церковь в 1892 г.); Иоанно-Предтеченский (дата неизвестна); Зосимо-Савватиевская (дата неизвестна); Преображенская, приписная (деревня Подужемская, обращена из часовни, XVII в.) 	1892 г.	1897 г.	Из Кемского соборного прихода
28	Пильдозерский	<ul style="list-style-type: none"> Георгиевская (1894 г.) 	1894 г.	1897 г.	Из Поньгамского прихода
29	Лапинский	<ul style="list-style-type: none"> Прор. Ильи (не позднее 1897 г.); Пресвятой Богородицы (не позднее 1897 г.) 	1897 г.	1897 г.	Из Сумского прихода

*Сост. по: [11 : 190—195; 166—171; 131—144; 122—125; 121—122; 118—121; 144—145; 146—150; 180—188; 125—126; 151—152; 179—180; 177—179; 155—157; 163—166; 152—155; 175—177; 188—190; 174—175; 171—172; 158—159; 172—173; 2 : 158, 159, 161, 162, 164; 1 : 213, 216].

История развития церковно-приходской системы региона в первой половине — середине XVIII века остается малоизученной. М. В. Пулькин подчеркивает, что «после секуляризации церковных вотчин процесс формирования приходской системы замедлился», имея в виду, что с этого времени отсутствуют сведения «об образовании в этот период новых приходов» [18: 26]. Наблюдение автора можно дополнить выявленными в литературе сведениями. Как удалось установить, в этот период оформилось всего два новых прихода — Вокнаволоцкий (1767 г.), отделившийся от Панозерского, и Кандалакшский — вероятно, преобразованный из упраздненного в 1764 г. Кандалакшского монастыря [8: 160].

Более того, обращение к сведениям, выявленным в литературе и «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии», позволяет уверенно заключить, что в XVIII столетии наметилась тенденция к сокращению церковных приходов. В частности, старинные приходы, ранее располагавшиеся в вотчине Соловецкого монастыря — Сороцкий и Виремский — пришли в упадок и были возобновлены в качестве самостоятельных только в 1852 и 1893 гг. соответственно. В упадок пришёл также Шижненский приход, однако его удалось восстановить к 1735 г. (табл. 1, № 7; 5; 6).

Новый этап в развитии церковно-приходской системы М. В. Пулькин относит к 1840-м гг. [18: 27]. Путём дробления старинных церковных приходов появляется целых шесть новых (табл. 1, № 15, 16, 17, 18, 19, 20). Тем не менее, Ю. Г. Шикалов убеждён, что православие в Беломорской Карелии «находилось почти в зачаточном состоянии» вплоть до середины XIX века [27: 21].

Дальнейшее выделение новых приходов, указывает М. В. Пулькин, продолжилось в 90-е гг. XIX века [18: 27]. В это время были образованы шесть приходов: Кондокский, Войницкий, Олангский, Тихтозерский, Подужемский, Пильдозерский и Лапинский (табл. 1, № 24, 25, 26, 27, 28, 29). В целом, к концу XIX — началу XX века на исследуемой территории насчитывалось 29 церковных приходов [10: 67].

Выводы

Таким образом, в историографии установлены этапы развития церковно-приходской системы в регионе, определён состав приходов на конец XIX — начало XX века. В то же время, вопросы, связанные с решением значимых приходских проблем — материальным обеспечением клира, контролем за церковной казной, возведением храмов, так же как проблемы взаимоотношений клириков с мирянами на локальном уровне, присутствия Церкви в регионе — изучены в самых общих чертах. Пристальное внимание сосредоточено преимущественно на ситуации, сложившейся ко второй половине XIX — началу XX века.

Дискуссионными остаются вопросы, связанные с осмыслением ключевых проблем — оценкой религиозной жизни прихожан и статусом местных клириков. Опираясь на достаточно поздно зафиксированные этнографические данные и исходя из специфического положения региона, исследователи уверены, что вплоть до второй половины XIX столетия отсутствовал жёсткий контроль над местными приходами со стороны официальной Церкви; равно как в том, что среди населения широко распространились, переплетаясь с официальным христианским вероучением, шедшие из глубины веков и закрепившиеся в традиционной культуре языческие пережитки, так же как идеи старообрядчества.

Рис. 1. Церковно-приходская система Кемского уезда в конце XIX века.

Под номерами автором на карте обозначены центры приходов.

В качестве топоосновы использована Карта Кемского уезда Архангельской губернии А. В. Ивановского из Электронного научного архива Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК) ГИП ПетрГУ

Осознание к середине XIX века Русской Православной Церковью и государством накопившихся проблем, по мнению учёных, привело к разработке и реализации разнообразных мер — от перевода священных и богослужебных книг на карельский язык до раздробления обширных приходов на более мелкие, принятия мер по улучшению материального благосостояния причтов и изменений в кадровой политике.

При этом, если М. В. Пулькин, С. Э. Яловицына, Ю. Г. Шикалов уверены, что карелы оставались равнодушны к официальной церкви и православному вероучению, то О. П. Илюха, Ю. Н. Кожевникова, И. А. Чернякова приводят убедительные аргументы, свидетельствующие об обратном. Противоположность высказанных в литературе мнений убеждает в необходимости углублённого изучения истории православных приходов региона на основе привлечения новых архивных материалов и применения новейших методов и методик их фундаментального анализа.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Дозорная книга Лопских погостов подьячего Григория Кобелева, 1597 г. // История Карелии XVI—XVII вв. в документах : Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / Подгот. к печ. И. А. Чернякова, Г. М. Коваленко, В. Салохеймо; под ред. А. И. Копанева, А. Г. Манькова. — Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. — Т. 1. — С. 186—233.
2. Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины писца А. Лихачева, 1563 г. // Материалы по истории народов СССР / под общ. ред. М. Н. Покровского ; АН СССР, Археологическая комиссия. — Ленинград : Изд-во АН СССР, 1930. — Вып. 1 : Материалы по истории Карельской АССР : Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. — С. 57—254.
3. Вокнаволоцкий приход // Архангельские епархиальные ведомости. — 1908 — № 5. — С. 136—142.
4. Виремский приход // Архангельские епархиальные ведомости. — 1898. — № 12. — С. 129—130.

Литература

5. Витухновская М. А. Карельские приходы и «панфинская пропаганда» (1906—1914 гг.) / М. А. Витухновская // Православие в Карелии : материалы 2-й международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов. — Петрозаводск, 2003. — С. 113—129. — Текст : электронный. — URL: <https://textarchive.ru/c-2730818-pall.html> (дата обращения: 06.01.2023).
6. Ефименко А. Я. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии / А. Я. Ефименко. — СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1877. — 231 с.
7. Зайцев В. А. Под сенью «старой веры» (фрагмент из книги «Беломорский север» / В. А. Зайцев. — Текст : электронный. — Кенозерье. — URL: <http://kenozeljive.ru/zaitzev-starovery.htm> (дата обращения: 30.09.2022).
8. Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи : с библиогр. указ. / сост. и изд. В. В. Зверинский. — Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и К°, 1892. — Т. 2. — 462 с.
9. Илюха О. П. История Костомукши / О. П. Илюха, А. В. Антощенко, М. Ю. Данков. — Петрозаводск : «МЕГА-ПРЕСС», 1997. — 221 с.
10. Кожевникова Ю. Н. Петуховы — династия сельских священников Карелии (XIX — XX века) / Ю. Н. Кожевникова. — Петрозаводск: Verso, 2020 — 395 с.

11. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. — Вып. 3 : Уезды Онежский, Кемский и Кольский. — Архангельск, 1896. — 267 с.
12. Макаров Г. Н. О переводном памятнике карельского языка 20-х гг. прошлого века. (К истории перевода) / Г. Н. Макаров // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. — 1963. — Вып. 39. — С. 70—79.
13. Покровская И. П. Население Карелии / И. П. Покровская. — Петрозаводск : Карелия, 1978. — 192 с.
14. Покровский И. В. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования / И. М. Покровский. — Казань : типо-литография ун-та, 1897—1914. — Т. 2. — 892 с.
15. Прокопьев К. П. Переводы христианских книг на инородческие языки в первой половине XIX в. (Исторический очерк). / К. П. Прокопьев. — Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1904. — 40 с.
16. Пулькин М. В. Деятельность секты «ушковайсет» («ойкийе криститту») в Ухтинском приходе в конце XIX в. (по материалам епархиальной печати) / М. В. Пулькин // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Проблемы комплексного изучения : междунар. симпозиум в г. Петрозаводск, 9—12 февр. 1997. — Петрозаводск, 1997. — С. 109—111. — Текст : электронный. — URL: <http://www.k2000.ru/ushkoviset> (дата обращения: 07.01.2023).
17. Пулькин М. В. Карельский язык в Олонецкой духовной семинарии / М. В. Пулькин // Православие в Карелии : материалы 2-й международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов. — Петрозаводск, 2003. — С. 130—137. — Текст : электронный. — URL: <https://textarchive.ru/c-2730818-pall.html> (дата обращения: 06.01.2023).
18. Пулькин М. В. «Карельские приходы» православной церкви в Кемском уезде (вторая половина XIX — начало XX в.) / М. В. Пулькин // Исторические судьбы Беломорской Карелии. — Петрозаводск, 2000. — С. 26—37.
19. Пулькин М. В. Переводы Евангелия на карельский язык в XIX — начале XX в. / М. В. Пулькин // Вестник ПСТГУ. — Серия 3 : Филология. — 2010. — № 22. — С. 123 — 130.
20. Пулькин М. В. Православные приходы на севере Карелии: этноконфессиональные аспекты пастырской деятельности (вторая половина XIX—начало XX в.) / М. В. Пулькин // Гуманитарные научные исследования. — 2014. — № 6. — Текст : электронный. — Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования». — URL: <https://human.snauka.ru/2014/06/7051>. (дата обращения: 03.09.2022).
21. Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII—начале XX века (по материалам Олонецкой епархии) / М. В. Пулькин. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2009. — 422 с. — Текст : электронный. — Российское военно-историческое общество. — URL: <https://histrf.ru/read/articles/pravoslavnyi-prihod-i-vlast-v-sieriedinie-xviii-nachalie-xx-vieka>. (дата обращения: 29.09.2022).
22. Ружинская И. Н. Распространение старообрядчества среди карелов Олонецкой губернии (по материалам официальной статистики 1830-х гг.) // Православие в Карелии : Материалы Второй международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов / отв. ред. В. М. Пивоев. — Петрозаводск, 2003. — С. 162—169. — Текст : электронный. — URL: <https://textarchive.ru/c-2730818-p9.html> (дата обращения: 06.01.2023).
23. Смирнова М. А. Православная жизнь Кемского уезда : по материалам архангельской местной печати / М. А. Смирнова // Православие в Карелии : материалы 2-й международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов. — Петрозаводск, 2003. — С. 170—178. — Текст : электронный. — URL: <https://textarchive.ru/c-2730818-pall.html> (дата обращения: 06.01.2023).
24. Чернякова И. А. Проблема карельского языка в политике церкви в Олонецкой губернии в XIX в. / И. А. Чернякова // Православие в Карелии : материалы 2-й международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов. — Петрозаводск, 2003. — С. 102—105. — Текст : электронный. — URL: <https://textarchive.ru/c-2730818-pall.html> (дата обращения: 06.01.2023).
25. Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории / И. А. Чернякова // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / под ред. А. П. Конкка, В. П. Орфинского. — Петрозаводск : Juminkeko-säätiö : ПетрГУ, 2003. — 448 с.

26. Шикалов Ю. Г. Карельские хиххулиты — лестадианство в Беломорской Карелии в конце XIX—начале XX века / Ю. Г. Шикалов // Православие в Карелии : материалы 2-й международной научной конференции, посвященной 775-летию крещения карелов. — Петрозаводск, 2003. — С. 137—149. — Текст : электронный. — URL: <https://textarchive.ru/c-2730818-pall.html> (дата обращения: 06.01.2023).
27. Шикалов Ю. Г. Язычники, православные, сектанты, лютеране? : религиозная ситуация в Беломорской Карелии (вторая половина XIX—начало XX века) / Ю. Г. Шикалов. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. — 99 с.
28. Яловицына С. Э. Об особенностях миссии православного духовенства в приграничном приходе (на примере северо-западных приходов Архангельской епархии в XIX—начале XX века) / С. Э. Яловицына // Ученые записки Петрозаводского государственного университета : Общие и гуманитарные науки. — 2008. — № 4 (97). — С. 31—35.

Orthodox parishes in the Kem' uyezd of the archangel'sk diocese in the second half of the XVIII — beginning of the XX century in the assessments of the russian historiography*

Elizaveta V. Ovchinnikova

Petrozavodsk State University
Department of Foreign History, Political Science and International Relations
Third-year Bachelor's Student

Research Supervisor —
Associate Professor **Evgenia D. Suslova**
Petrozavodsk State University

Abstract: The article is devoted to the analysis of the opinions, put forward in historiography about the state of Orthodox parishes in Kemsy District of Arkhangelsk Province in the second half of the 18th century — early 20th century. In general, the Russian Orthodox Church's policy of establishing Orthodoxy in the region has not yet been the subject of a special study. In assessing the religious life of Orthodox parishes, scientists proceed from the specifics of the demographic situation in the region and the socio-economic peculiarities of its development. After examining the views of researchers, the author states that in historiography established an opinion about the slow development of the parish church system in the region and the lack of attention of the clergy to the urgent problems of building churches and opening new parishes, providing a decent standard of living of clergy, the search for clergy prepared for service in a multi-ethnic region until the middle — second half of XIX century. According to historians, the lack of attention of church authorities to the problems of remote peripheries led to the spread of indifference among Karelians living in the western parishes of the county toward the official church, the flourishing of old-believers and the long-lasting preservation of pagan remnants..

Key words: Karelia; Arctic; Kem' uyezd; church parish; Russian Orthodox Church; church-parish system.

* The study was carried out as part of the implementation of the Research and Development (R&D) Support Program for students and graduate students of Petrozavodsk State University, funded by the Government of the Republic of Karelia.